

**СТО
СЕРЕБРЯНЫХ
КОНЕЙ**

СТО СЕРЕБРЯНЫХ КОНЕЙ

**КОМИ-ПЕРМЯЦКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ
И ПЕСЕНКИ, БАЙКИ, ПОТЕШКИ**

**Пермское книжное издательство
1983**

Записал
В. КЛИМОВ
Пересказали
В. КЛИМОВ и Л. КУЗЬМИН
Художник
В. АВЕРКИЕВ

© Пермское книжное издательство, 1983.

С81 Сто серебряных коней: Коми-пермяцкие народные сказки и песенки, байки, потешки /Записал В. Климов; Пересказали В. Климов и Л. Кузьмин; Худож. В. Аверкиев.— Пермь: Кн. изд-во, 1983.— 80 с.

Книга коми-пермяцкого фольклора для малышей.

70700—43
С М152(03)—83 45—83

С64

ПЕРВО-НАПЕРВО

Воркует: «Вур-вур! — за окном голубок. —
Ох, кто бы мне гнёздышко сделать помог!»
Ворота: «Дзир-вир! — заскрипели с утра. —
Подмазать нас маслом давно бы пора!»
Кричит: «Лива-люва!» — сынишка-малютка.
Нужна ему кашка, нужна прибаутка.
Гнездо не совьём. Сам трудись, голубок!
Ворота без масла потерпят годок.
А мы первым делом потешим малютку:
И каши дадим, и сплетём прибаутку.
Такую сплетём, чтоб сынку не скучать...
Но только с чего прибаутку начать?
С прыг-скок!

ПРЫГ-СКОК!

Топ-топ! — на конях.
Скрип-скрип! — на санях.
Едем к бабушке
На оладушки.
Будет, будет нам пирог,
Блин с подмазочкой!
Будет, будет вечерок
С доброй сказочкой!
Топы-топ! Топы-топ!
На пути большой сугроб.
Вправо съехали —
Не проехали.
Влево кинулись —
Опрокинулись!
Ладно, бабушка пришла,
До крылечка довела
По дорожке не кривой,
По прямой,
по столбовой!

СЕСТРИЧКА И БРАТЕЦ

или-были сестричка и братец. Родители у них умерли. Жилось им худо. Едва-едва до весны дотянули.

Весною взяли они пустое лукошко и бежали из дома на задворку, на тёплую проталинку. Думают: «Щавеля насобираем или пестиков...» А на задворках росла, шумела под ветром большая сосна.

И вот подбегают братец да сестричка к ней и видят: вьётся по сосновому стволу гороховый стебель. Стебель как стебель, сочный, зелёный, с усиками-завиточками, но очень уж толст и высок. Макушка его на самом верху сосны спряталась, а яркие листья на нём — шире лукошка.

Тут сестричка братцу и говорит:

— На этом стебле и стручки, наверное, куда как велики... Слазаем, нарвём?

— Нарвём! — ответил братец. — Такая находка нам в самый раз.

И братец посадил на сосну сестричку, сестричка подхватила братца, и они полезли вверх.

Час лезут, второй лезут, а гороховый стебель уходит

всё выше да выше. А сосновые ветки всё гуще да гуще, а по веткам скачут белки, где-то рядом синицы насвистывают, дятлы стучат, и всё вокруг совсем как в настоящем лесу. Только земли под ногами нет, она далеко внизу осталась.

Вдруг видят сестричка с братцем: стоит на сосне избушка-развалюшка. Покрыта избушка вместо соломы сухой шелухой от гороховых стручков, а за распахнутой дверью что-то погромливает.

Заглянули сестричка с братцем за дверь, а там Баба Яга меленкой-жёрновом горох мелет.

От старости Баба Яга клюкою согнулась, ничего уже толком не видит, но дело у неё идёт бойко. Меленка крутится, рокочет: «Гыр-гыр, гыр-гыр!» Мука из меленки сыплется в ларец: «Шур-шур, шур-шур!» Подбросит Баба Яга в меленку гороху горсть, а высыпается из меленки муки гороховой целые три пригоршни.

— Смотри,— говорит братец сестричке шёпотом,— какое у Бабы Яги богатство. Давай-ка и мы себе этой мучки в лукошко зачерпнём. Киселя дома сварим.

— Давай, — отвечает сестричка.

И вот они вошли на цыпочках в избушку, и как только Баба Яга меленку крутить начнёт, как только зашумит, загремит жёрновом, они лукошко в ларец опустят да муки-то и зачерпнут. Баба Яга зашумит, а они опять зачерпнут.

Не может их Баба Яга разглядеть сослепу да в полутёмной избушке, но по ларцу рукой нет-нет да и пошарит.

Пошарит и тут же удивится:

— Что такое? Мелю-мелю, а прибыли нету... Неужто под жёрновом застревает?

Поднимет жёрнов, продует, прочистит, и вот опять крутится меленка, и опять сыплется мука, а братец с сестричкой под неё лукошко подставляют. Почти полное уже набралось у них лукошко, да вдруг Баба Яга меленку остановила, прислушалась, повела туда-сюда носом и говорит:

— Не-ет, что-то тут неладно. Неужто кто живой в избушке есть? А ну, слуга мой верный, кот Воркот, спрыгни с печки!

И с печки спрыгивает кот — чёрный-пречёрный, одни

глазища зелёные. Спрыгнул, потянулся, на сестричку с братцем уставился.

Вздрогнули сестричка и братец: «Пропали мы теперь! Беда!»

Но кот их и трогать даже не стал. Поднялся на задние лапки, ударил передними, как в ладоши, да и пустился в пляс.

Пляшет и песенку поёт:

Во горохе в огороде
Кукарекают стручки!
Кто сейчас не засмеётся,
Тот и выйдет в дурачки!

Братец, глядя на диво такое, и впрямь чуть не засмеялся, да посмотрел на сестричку. А та ему рукой машет, пальчиком грозит: не смейся, мол, нельзя! Как засмеёшься, мол, так в дурачках-то и окажешься. Услышит Баба Яга, захопнет дверь — тут мы и пропали!

Братец сестричку послушался, и они тихо-тихо подняли лукошко и вышли осторожно из избушки за порог. А там — с ветки на ветку, с одного сучка на другой — быстрёхонько и на землю спустились.

Примчались в родной дом, сразу киселя наварили, гороховых лепёшек напекли и стали жить да радоваться.

Но радовались недолго, через неделю мука вся кончилась. Глянула сестричка в пустое лукошко и говорит:

— Делать нечего, опять надо к Бабе Яге подниматься. Только ты, братец, не засмейся там. Пропадём!

— Ну что ты, не засмеюсь, — ответил братец.

И вот они снова добрались до сосновой вершины, до избушки-развалюшки.

Стоит избушка на прежнем месте, и дверь открыта, и меленка за дверью по-прежнему погромливает. Всё как раньше, только из трубы над избушкой дым валит.

— Стряпать, наверное, собралась Баба Яга. Давай, пока меленка шуметь не перестала, муки быстро наберём и убежим! — сказали сестричка с братцем и потихоньку в избушку вошли, подставили лукошко под меленку.

И вот опять жёрнов рокошет: «Гыр-гыр, гыр-гыр!», мука

из меленки сыплется в лукошко: «Шур-шур, шур-шур!», а Баба Яга по ларцу рукой шарит и сердится:

— Мелю-мелю, а муки не прибывает. Эй, кот Воркот! Слезай с печки!

Но сестричка с братцем кота уже не боятся, знают: он сейчас плясать пойдёт, смешить станет. «Пусть, — думают, — смешит, мы всё равно не рассмеёмся».

А кот и верно, опять пляшет, опять хвостом и лапами так и этак выделявает, да только песенок-то уж больше не поёт. А подходит он этак бочком, бочком к самым ногам братца и проводит по его коленкам пушистым ухом, и головою об коленки трётся. И стало братцу очень щекотно, и он — засмеялся. А как засмеялся, так Баба Яга в ладоши ударила, закричала громким голосом:

— Избушка, повернись! Дверь, захлопнись!

И дверь захлопнулась, и Баба Яга руки растопырила, по избежке туда-сюда забегала, стала сестричку с братиком ловить.

Ловила, ловила, не поймала, опять крикнула:

— Сделайся, избежка, о трёх углах!

Пропал в избежке четвёртый угол, осталось три, тут Баба Яга братца за рубашонку и схватила.

— Вот, — говорит, — соколик, и отбегался! Не удалось тебе меня, старуху, обхитрить. Садись на лопату, полезай в печку! Там ты прокоптишься, дымом продымишься и станешь чёрным воронёнком. У меня чёрный кот есть, а воронёнка нету. Мне, Бабе Яге, ещё и воронёнка в слуги надо.

Заплакал братец, а сестричка не стерпела, сама к Бабе Яге кинулась:

— Не сажай моего братца в печку, не делай из него чёрного воронёнка. Он у меня совсем ещё маленький и служить тебе не сможет. Бери лучше меня, я побольше.

— Ой, так ли? — говорит Баба Яга. — А ну, встаньте рядышком, я вас померяю.

И встала сестричка рядом с братцем, и даже на пальчиках поднялась, чтобы выше показаться.

Баба Яга ладошкой по их головам провела, говорит:

— Ну что ж, сама насылалась — сама на лопату и са-

дись. Полежай в печку. Будешь ты у меня служить чёрным воронёнком.

Села сестричка на лопату, а ногами, руками в шесток упёрлась, и никак её Баба Яга в печку запихнуть не может.

Пихала, пихала — даже упарилась.

— Что-то,— говорит,— ты не так там делаешь. Не ладом, должно быть, уселась.

— А как надо ладом? — спрашивает сестричка.— Я ладом пока не умею. Ты меня поучи.

— И поучу,— говорит Баба Яга,— и поучу. Вот, смотри, как добрые-то слуги сами на лопату садятся.

И тут она села на лопату сама, вся в крючок согнулась, а сестричка с братцем не будь плохи: к лопате — скок, лопату — на шесток, да прямо в печное нутро Бабу Ягу и сунули. Опахнуло старую каргу огнём и дымом, и стала она вмиг сама заколдованной птицей. Только не вороном и не воронёнком, а серой вороной.

— Кар-р! — закричала ворона заполошно, взмахнула крыльями да и — поминай как звали! — вылетела вместе с дымом в печную трубу.

А сестричка с братцем обрадовались, крепко обнялись, а когда оглянулись вокруг — то нет уже рядом ни печки, ни тёмной избушки. Стоят они прямо под ясным солнышком, под зелёной сосной, у себя дома на задворках.

Лукошко с мукою тоже тут. И меленка, полная гороху, тут. И чёрный кот Воркот ходит вокруг меленки, мурлычет:

— Возьмите и меня к себе вместе с меленкой. Я служить вам буду верней, чем Бабе Яге, и песенки стану петь ещё веселее.

Взяли братец да сестричка кота и меленку к себе в дом и стали жить хорошо и весело. Кот ходит перед ними по строганым половичкам, кувыркается по широким лавочкам, песенки поёт, а они хлопают в ладоши и смеются безо всякой опаски.

А меленка погромливает: «Гыр-гыр!», а гороховая мука сыплется из меленки: «Шур-шур!» И не кончалась эта мука до той поры, пока сестричка и братец не выросли. А как выросли, то и сами устроили свою жизнь ещё лучше.

ВСТАВАЙ, МИТЕНЬКА!

Митя, Митенька, проснись,
Да с полатцев-то спустись!
Слышишь: крикнул петушок,
За селом поёт рожок,
На крылечке дверь скрипит,
У колодца гусь трубит,
Журавли в бору курлычут,
А с реки утята кличут:
«Митя, Митенька, вставай,
Светлый день не прозевай!»

МЕДВЕЖЬЯ НЯНЮШКА

обрались три сестрёнки — старшая, средняя да младшая — по землянику. А родители их отговаривают:

— Поздно уже. Вечер скоро. Заблудитесь в лесу.

— Мы в лес не пойдём, мы походим по перелесочкам, — ответили сестрёнки да и убежали.

Примчались к первому перелеску, а земляники там нет.

Кинулись во второй перелесок, обшарили всю опушку, но земляники и там нет.

И так они уходили от дома всё дальше и дальше, а когда солнышко стало садиться, то оглянулись вокруг и охнули.

Не видно рядом ни знакомых полей, ни родных лугов, вокруг тёмный бор шумит; и никто из них теперь не помнит, какой дорогой сюда зашли, никто не знает, какой дорогой выйти.

— Туда надо, — показывает старшая сестрёнка.

— Нет, туда, — спорит средняя.

А младшенькая тоже тянет в свою сторону, да никто её, младшенькую-то, совсем и не слушает: пошли туда, куда старшая сказала.

Шли-шли, а бор всё глуше, а бор всё темнее, и вот наконец вышли к лесному низенькому домишку. Домишко невысок, да крепок: сразу видать, в нём справный хозяин живёт.

— Тук!— стукнула робко в оконную раму младшая сестрёнка.— Выгляни, кто тут есть, в окошко. Покажи нам домой дорожку. Мы тебе в пояс поклонимся.

Да никто в доме не шевельнулся, никто из окошка не выглянул.

— Тук-тук!— тогда постучала посмелее средняя сестрёнка.— Выгляни, кто тут есть, в окошко. Покажи нам дорожку. Мы тебе в ноги поклонимся.

И опять никто в доме не шевельнулся, никто оттуда не выглянул.

— Тук-тук-тук! — тогда застучала старшая сестра и сказала совсем смело: — Эй! Кто тут есть? Отзовись! Выгляни в окошко, покажи нам дорожку, мы тебе поклонимся до самой земли.

И окошко звякнуло, и распахнулось, и оттуда выглянула встрёпанная спросонья медвежья голова.

— Кто меня, медведицу, беспокоит? Кто стучит? Хозяина дома нету. Хозяин мой — Михаил Иванович — на дальний промысел ушёл, а я без него дверь никому не открую... Подите прочь!

Но тут она продрала сонные глаза лапищей и вмиг переменилась.

— Ой,— говорит ласковым голосом,— это вот кто стучит в окошко, это вот кто! Три девочки, три сестрички, три алые ягодки! Входите, дорогие гостеньки, входите. Заночуете у меня, а поутру и дорожку вашу разыщем.

— Нельзя нам до утра ждать,— говорят девочки.— Нас тятка с мамкой искать будут. Расстроятся, заплачут.

— Не заплачут,— уговаривает медведица,— не заплачут! Что им на ночь-то плакать? Незачем. Ночью спать надо. У меня вон медвежонок Минька маленький, а и то ночью никогда не ревёт. Спит себе в зыбке, лапу посасывает, и — все дела. Заходите, заходите. Утро вечера мудре-

ней! Я вас утром-то и домой провожу, и лесной похлёбкой угошу. Довольнѣхоньки будете.

Вот так вот и пришлось девочкам ночевать у медведицы, а спать она их положила на зелёные еловые постельки, а под головы по моховой кочке подала.

Младшая сестрёнка уснула сразу и крепко. Очень она, пока плутали, умаялась. А средняя да старшая всё на еловых ветках ворочаются, всё им с непривычки колко да неудобно. Да и за тятку с мамкой душа у них болит: «Поди, дома целый переполох. Поди, искать нас будут...»

Так они всю ночь и продремали вполглаза, а когда в окошках чуть забрезжило, то видят: медведица печь затопила, начинает похлёбку варить.

Высыпала на стол полон короб грибов и давай их делить на две кучи. В одну кучу — белые, крепкие боровики, а в другую — желтушки, зеленушки да мухоморы.

Потом хорошие грибы положила в горшок простой, чёрный; мусорные — в горшок расписной, муравленый. Сунула оба горшка в печку и кричит:

— Вставайте, девочки! Вставайте, милые! Сейчас похлёбка сварится, будем завтракать.

И вот как за стол все, кроме Миньки, уселись, медведица горячие горшки из печки выхватила, на столешницу друг за другом их брякнула и говорит:

— В этом горшке, что попроще, похлёбка для меня, для хозяйки. А вот в этом горшке, что покрасивее,— для дорогих гостей. Ешьте вволю, на всю обратную дорогу наедайтесь!

Младшая сестрёнка схватила ложку и давай хлебать, и давай хлебать. А средняя да старшая тоже взяли ложки, но не едят, а только вид подают. Черпнут из горшка, ко рту поднесут, подержат да потихоньку на пол и выльют. Черпнут и выльют, черпнут и выльют.

И младшую незаметно под локоток толкают: «Не ешь, мол, сестрёнка, не ешь...» Да только ничего младшенькая не поняла — нахлебалась.

И тут сразу медведица встаёт, громким голосом приказывает:

— Выходите, все трое, на крыльцо! Сделано одно дело, сделаем и другое.

Сестрёнки вышли на крыльцо, и медведица тоже вышла. И перебежала она просторную поляну перед домом, и обхватила там толстую высокую ель, и покачнула её разок, и покачнула другой, да так вдоль всей поляны эту ель на землю и хрястнула! Только гул по всему бору прокатился.

— Вот,— говорит медведица,— и новое дело. Самое главное! Кто перепрыгнет эту ель, тот и домой пойдёт. А кто не перепрыгнет, тот у меня в няньках останется. Миньку в зыбке будет качать. Прыгайте, прыгайте! Нечего стоять да дрожать.

А сестрёнки и в самом деле задрожали, потому что испугались. Потому что поняли: нехорошая эта медведица, хитрая. Но делать нечего, стали прыгать.

Разбежалась старшая сестрёнка, прыгнула, перелетела поваленную ёлку высоко-превысоко, да и помчалась куда глаза глядят, лишь бы подальше от медведицы.

Разбежалась средняя сестрёнка, тоже прыгнула, тоже перелетела ёлку так, что даже лапотками её не задела, и помчалась догонять старшую сестру.

А медведица удивилась:

— Как так? Не должны были перепрыгнуть! На то и похлёбка была в муравленом горшке...

Но тут младшенькая разбежалась, а перепрыгнуть через ёлку не смогла. Нет у неё после обманной похлёбки сил, нет и смелости. И завела её медведица обратно, в свой дом; и строго велит:

— О родных теперь позабудь, качай теперь зыбку с моим Минькой. А я по грибы пошла.

И вот качает младшая сестрёнка зыбку с медвежонком, плачет горько-прегорько и тонким голосом поёт:

Ах, зачем меня сёстры одну оставили?
Почто малолеточку в неволе бросили?
Кто из лесу теперь меня выведет?
Кто из нянек медвежьих вызовет?

Пробежал мимо зайчик Короткий Хвост, услышал грустную песенку, сам чуть не заплакал и стукнул в окошко:

— Садись, девочка, на меня. Я тебя вызволю.

Девочка бросила качать зыбку, выбежала за дверь, села верхом на зайчика, и они поскакали.

Да только поскакали, а хитрая медведица тут как тут. Схватила зайчика поперёк живота, подняла, отшлёпала:

— Вот тебе, незваный помощничек! В другой раз поймаю — хуже будет.

И посадила девочку опять к зыбке, а сама опять в лес пошла.

И снова девочка сидит, зыбку качает, тоненьким голосом поёт:

Ах, зачем меня сёстры одну оставили?
Почто малолеточку в неволе бросили?
Кто теперь меня к маменьке выведет?
Кто из нянек медвежьих вызволит?

Бежал на ту пору волк Серое Ухо, услышал печальную песенку, сам закручинился, постучал в окошко:

— Садись, девочка, на меня. Я отвезу тебя к твоей маменьке.

Но только девочка села на волка, а медведица опять тут как тут. Подскочила, ударила волка лапой:

— Прочь, незваный помощник! Не сманивай куда не надо нашу нянюшку! В другой раз поймаю — хуже будет.

И вот сидит девочка у зыбки опять одна, опять поёт:

Кто меня из лесу к маменьке выведет?

Кто из тяжкой неволи вызволит?

Услыхал песенку старый лось Большие Рога Длинные Ноги. Ударил в окошко:

— Садись, девочка, на меня скорей! Да не забудь захватить три берёзовых веника.

Бросила девочка зыбку качать, сняла с жерди в сенях три берёзовых веника, выбежала на крыльцо, встала на перила, перелезла с них на лося; и ударил старый лось копытами о землю, полетел стрелой.

Выскочила медведица наперехват, да поздно. Лось — не заяц, не волк, у него смекалки побольше.

Как станет медведица беглецов настигать, так лось говорит девочке:

— Бросай веник! Бросай дальше, чтобы он перелетел через медведицу и упал на дорогу!

И летит веник на дорогу, и кидается медведица назад. Сгоряча думает: «Это девочка с лося упала!» — а там веник. И пока медведица от злости треплет его, дерёт — девочка с лосем уже полверсты проскакали.

Так они от погони и ушли. Да не только ушли, а возле самой деревни и старших сестрёнок догнали. Вот как быстро старый-то лось летел! Вот какие у него были длинные и сильные ноги! А медведица тоже чуть не до самой деревни добежала. Но увидела высокие крыши, услышала петушинный крик да собачий лай и остановилась.

Остановилась, почесала загривок, подумала-подумала да и пошла потихоньку обратно.

Пошла зыбку со своим Минькой сама качать.

БЕДЬПІ

Возле тихой речушки в низенькой избёнке жили старик да старуха.

На все семь сторон от избёнки дремучий лес простирался, а людей вокруг на сто вёрст нигде не было. Только жила по соседству Ягинь со своими дочерьми, хозяйка соснового бора. Да разве можно её человеком считать? Ягинь — костлявая лохматая старуха. Руки её — что длинные грабли, ноги — тонкие кривульки, голова — кáлежкой, нос — кочерыжкой. Во рту у неё всего два зуба и те наружу торчат, в нечёсанных волосах сосновые шишки да ветки запутались. Но эта беда не беда, а беда вот что: Ягинь хватает детей и забирает к себе в работники.

А старикам одним было скучно жить, вот и решили они однажды найти себе приёмыша.

Забрался дед в шубейку, надел шапку, овчинные рукавицы, ноги в лапти лыковые обул. Взял на дорогу пестёрь* с харчами, три пары лаптей про запас, свою бедь-коколюку — палку из корневища — и в путь!

* Пестёрь — плетёная корзина.

Идёт старик, лаптишками топ да топ, палочкой тюк да тюк. А воробей с дерева говорит-чирикает:

— И чего-чего тебе, старый, дома не сидится? Лежал бы на печи да жевал калачи! Кто тебя на мороз гонит, чив-чив?

— Не понять тебе, серый шабуришка, моей нужды,— отвечает старик.— Был бы у нас со старухой сынок, так он бы водички с речки принёс, дровишек притащил, печурку затопил бы да нас, стариков, обогрел и накормил. А у нас нет сына. Иди, серый шабуришка, к нам жить — вместо сына будешь.

Осерчал воробей, зачирикал-заверещал:

— Чего-чего, старый, выдумал? Водичку ему носить! Дровишки ему таскать! Ищи, старый, другого, а я не пойду. Чив-чив!

Улетел воробей, не простился даже.

Старик тоже загневался-забранился:

— Эка расчирикался, непутёвый! Не хочешь — не надо! Да и захочешь, так не возьму такого белоручку!

От злости даже коколюкой о землю ударил. Да так, что конец-то у неё возьми и отломись.

— Ай-яй-яй! — покачал старик горестно седой головой.— И ты, коколюка, мой верный помощник, видать, изнасилась-состарилась!

Поднял он конец коколюки и спрятал за пазуху: авось пригодится в хозяйстве. Коротка стала палка, приуныл старик, сел на кочку, завздыхал:

— Куда же я теперь с такой коротышкой? Как в гору-то взойду? Придётся домой возвращаться да новую коколюку ладить.

И вдруг слышит голос:

— Не горюй, деда, не тужи зря, что коколюка сломалась, — это к счастью. Я тебе буду и воду носить, и дрова таскать!

— Кто это говорит? Не Ягинь ли обещает помогать мне?

— Это не Ягинь, это я, Бедьпи-коколюшонок.

Пошарил дед за пазухой и вытащил оттуда маленького — всего с ложку — голенького мальчонку.

— Это ты Бедьпи-коколюшонок?

— Да, деда.

— А как же ты будешь воду носить, ежели ты такой чутошный? И в чём будешь воду носить — в напёрстке, что ли?

— Не печалься, деда, что я такой незавидный! У меня руки ловкие, ноги быстрые, а глаза острые. Спрячь меня за пазуху и унеси домой. Дома в люльку-зыбочку положи и дай мне поспать. Как высплусь, накорми пельменями — вот я и подрасту. А как подрасту, так и воды принесу, деда и бабу порадую.

— Ай да сынок, ай да умница, ай да работник! Спрячься скорее за пазуху и идём домой.

Вернулся старик к своей избушке, великой радостью спешит поделиться:

— Бабушка-ладушка! Отворяй двери и ворота, встречай деда с сыночком!

Старуха двери открыла, ворота распахнула, выбежала на улицу и спросила:

— Откуда, старый, у тебя сыночек взялся?

А дед своё:

— Есть у нас сыночек Бедьпи. Подай голос, Бедьпи!

— Здравствуй, баба! — отозвался Бедьпи. — Я буду жить с вами, во всём помогать вам буду.

Помолодела старуха от таких хороших слов, подошла поближе, сказала:

— Дай, ка́га*, я на тебя посмотрю.

— Вот я, баба, где сижу — у деда за пазухой!

— Не врут ли мои старые глаза? — сомневается старуха.

А глаза отвечают:

— Мы, глаза твои, правду говорим.

Взяла старуха Бедьпи, на ладошку посадила.

— Не обманывают ли меня мои руки?

Руки отвечают:

— Мы, руки твои, не обманываем тебя: держим живого человечка.

— Спасибо земле, спасибо солнцу, что они дали нам под старость такое счастье! Пойдём же, дед, скорее в избушку, отопреем да накормим нашего сыночка!

Зашли они в избу, уложили мальчонку спать в люльку, а люльку к оче́пу** подвесили. Когда Бедьпи выпался, старуха печку затопила, пельмени сварила, стала ими сыночка угощать.

Съел Бедьпи один пельмень — выше горшка росточком стал.

Съел второй — ещё на четверть вытянулся.

Съел третий — выше столешницы вырос.

— Вот я каков буду!

Старуха ему одёжку справила, старик сплёл лапоточки да овчинную шапку смастерил.

Оделся, обулся Бедьпи, все работы по хозяйству сделал мигом — хоть росточком мал, да делами удал!

Доволен дед, довольна баба: славный помощничек! Только надо уберечь его от Ягини.

* Ка́га — ребёнок, дитя (коми-перм.).

** Оче́п — жердь, подвешенная к потолку избы.

А Ягинь тут как тут. Проходила она мимо старикова двора и услышала тонкий голосок:

— Милый дедушка! Милая бабушка! Я воды натаскал, дрова занёс, печку затопил, а теперь хочу покататься. Можно мне в сосновый бор сходить?

Позеленел у Ягини от зависти нос-кочерыжка: вот бы ей такого расторопного работничка!

Старик отвечает:

— Кататься можно, а в сосновый бор не ходи: там злая Ягинь живёт.

— Она тебя поймает в свои сети-куломы,— пугает старуха.

— А я ей не попадусь,— говорит Бедьпи. — Пойду скачусь разок.

Слышит это Ягинь и радуется, скачет и ликует:

— Хой-йо! Бедьпи сам в мои куломы просится!

Взял Бедьпи осиновый листок и пошёл в сосновый бор. А Ягинь уже успела расстелить свои куломы под горой и давай зазывать его:

— Бедьпи! Эй, Бедьпи! Сюда, милый, сюда, добрый, езжай! Здесь очень катко!

А Бедьпи отвечает ей:

— Ау, Ягинь! Качусь, да не к тебе!

Поехал он в другую сторону и миновал Ягинины куломы. Понравилось ему, решил ещё разок с горы съехать. А Ягинь опять заманивает его:

— Бедьпи! Эй, Бедьпи! Сюда, милый, катись, сюда добрый, езжай! Здесь очень катко!

А Бедьпи:

— Ау, Ягинь! Качусь, да не к тебе! — И поехал в другое место.

В третий раз он надумал скатиться. Поднялся на гору, спрашивает:

— Ау, Ягинь, где ты?

А та от своих сетей отошла подальше и отвечает:

— Тут я, Бедьпи, под горой! Езжай ко мне, милый, езжай, хороший!

Бедьпи ей отвечает:

— Ау, Ягинь! Качусь, да не к тебе!

И съехал с горы. Съехал и заехал прямо в Ягинин кулом, запутался в нём. Барахтается, бьётся, да всё напрасно.

Ягинь от радости на ногах-кривульках скачет, руками-граблями снег ворошит да скрипучим голосом поёт:

Похвалялся глупый Бедьпи,
Похвалялся,
Да в Ягинины куломы
Он попался.
Её волосы теперь он
Порасчешет,
Её пятки-косопатки
Пощекочет.

Наплясалась Ягинь,
взвалила свою ношу за спину
и поволокла к себе домой.
Бьётся Бедьпи в сетях,
о помощи просит, да не слы-

шат его дедушка и бабушка. Пришла Ягинь домой, скинула ношу на пол. Её дочери Ера, Яра, Ёра, завидя мальчика, заплясали от радости, заголосили:

Турундас-бурундас,
Есть работничек у нас!
Турундас-бурундас,
Поработает за нас!

Увидела Ягинь, что не прибрано, не топлено, крикнула:

— Эй, дубина-хворостина! Напомни-ка моим дочкам, что надо было делать без меня!

Прискакала дубина-хворостина, прошлась по спинам дочерей. Визжат Ягинишны, спины почёсывают. Остановила хозяйка дубину-хворостину, отправила её на место — под порог — и сказала дочерям:

— Я пошла другие свои ловушки смотреть, а вы к моему приходу обед приготовьте.

Не успела Ягинь с крылечка сойти, а дочери её тут же и заспорили. Ера хочет, чтобы Бедьпи за неё воду принёс; Яра хочет, чтобы мальчонка за неё дрова притащил; Ёра заставляет Бедьпи обед варить.

Спорили, спорили — Бедьпи вмешался:

— Не шумите зря! Я всю работу сделаю.

Принёс он воду и дрова, затопил печку и сварил кашу-повалиху да досыта накормил ею Ягининых дочерей. Остатки хотел Ягини оставить, но заметил, как у дубины-хворостины слюнки текут, и ей отдал.

Наелись Ягинишны и стали свои лесные хороводы водить. Скачут, кривляются и на три голоса поют:

Ём-ём, ём-ём!
Мы и пляшем, и поём.
Потому что,
Потому что
Очень весело живём.

Потешились они вдоволь, устали и спать легли. А Бедьпи схватил свои санки и домой засобирался. Но тут над дверями бóтало зазвонило-загремело. От этого шума проснулись Ягинишны, схватили Бедьпи на крыльце и вернули обратно, а сами спать завалились.

Бедьпи наскоблил со дна горшка повалихи и облепил ею язык ботала. Молчало ботало. Вышел мальчик за порог. Но на крыльце старый филин заухал. Так заухал, что избушка задрожала. Проснулись дочери Ягини, схватили беглеца, опять заставили работать.

Пришлось Бедьпи снова дрова принести, печь затопить да повалиху сварить. Сварил, накормил Еру, Яру и Ёру, угостил дубину-хворостину и ботало, а остатки вместе с горшком вынес филину. Но филин повалиху и нюхать не стал, только чихнул на неё.

Наелись Ягинишны и опять плясать начали. А наплясавшись, стали похваться друг перед дружкой.

Ера говорит:

— Я лучше всех на свете пляшу.

Яра спорит:

— Это я лучше всех на свете пляшу.

А Ёра их обеих стыдит:

— Вы своей пляской меня только позорите!

Заспорили, закудахтали, а потом и в волосы друг дружке вцепились. Бедьпи смотрел, смотрел на них и сказал:

— Пусть вас мудрый филин рассудит. Зовите его в избушку.

Позвали Ягинишны филина, а сами в пляс пошли.

Сидит филин на печи, клюв разинул. А Бедьпи выскользнул незаметно из избушки, взял свои санки и пустился бежать. Бежал, бежал и выбежал из соснового бора.

Пришёл к своему дому — видит: избушка ходуном ходит, стены туда-сюда, окна качаются. С чего бы это?

Открыл Бедьпи дверь, зашёл в избушку, а там баба с дедом толкаются — блин не поделили.

— Это мой блин! — кричит дед.

— Нет, это мой! — не сдаётся баба. — Последний всегда мой!

Смотрел, смотрел Бедьпи и спрашивает:

— А где же мой?

Заметили старики своего сыночка, обрадовались, что он жив-здоров вернулся, перестали ссориться и блин-последыш ему отдали.

КОНЬ

— Эй, постой, постой, малыш!
Расскажи, куда бежишь!

— Не задерживай меня,
Я бегу ловить коня!
Во крутом логоу под ивой
Бродит конь с пушистой гривой,
Конь с отметинкой-звездой,
Конь с наборною уздой.

Я на быстрого взлечу,
Поскачу куда хочу:
Может, в чистый луг за речку,
Может, к нашему крылечку...
Тпру-ка, ну-ка, конь-конёк!
Мой весёлый скакунок!

Мой послушный, мой холёный —
Прутик ивовый, зелёный!
С листиками...

ЗАЮШКА

— Ох ты, заюшка!
Попрыгаюшка!
В саже тонкое ушко,
В мучке белое брюшко.
Чавылёк-чивылёк,
Где ты бегал весь денёк?

ЕМА И ЧАЧА

Ж

или-были дед да баба. Была у них курочка ряба, а ещё внучка Чача. Хорошо они жили, горя не знали. Дед лесовал да рыбу ловил, баба всю зиму пряжу пряла, а летом холсты ткала да одежду шила. А внучка Чача у бабы да деда была в помощницах.

Вот и опять лето пришло. Баба ткать собралась, крѳсна поставила, основу натянула, а бѳрда* нет. Унесла Ема его, болотная хозяйка, ещё осенью и до сих пор не вернула.

— Чача, внучка моя,— просит баба,— сбегай-ка к Еме, возьми у неё наше бѳрдо. Да только в избу не заходи, а проси через окошко. Если зайдѳшь, не выпустит тебя Ема.

— Ладно,— говорит внучка,— завтра сбегаю.

Рано утром, на зорюшке, встала Чача, умылась почище и пустилась в путь. Шла-шла, через холм перешла, к болоту пришла. У болота стоит избушка с белым окошечком, а под окошечком на лавочке старушка сидит и дремлет. Другая старушка, не Ема.

— Бабушка, как мне Ему найти,— просит девочка.

* Бѳрдо — часть ткацкого станка, похожая на гребень.

Проснулась старушка, посмотрела на девочку с длинной русой косой и отвечает:

— Сказать-то могу. Да только зачем ты к Ёме идёшь? Она ведь съест тебя.

— Может, и не съест. А иду я к ней по делу: наше бёрдо^ззабрать.

— Ладно уж, покажу тебе дорогу к Ёме. Только вернись домой и возьми сперва с собой щеть, глиняный пузырёк с водой, брусок, ленточку, масло, кусок мяса и челпáн* хлеба.

— Ой-ёй-ёй! Куда столько-то?— удивилась девочка.

— Бери, что велю, всё пригодится. А там — сама соображай, кому какой гостинец аль подарочек дать. Пошлёт тебя куда-нибудь Ёма — ты сперва ко мне зайди, скажись, за каким делом.

— Спасибо, бабушка,— сказала Чача и вернулась домой. Сложила в пестерь щеть, пузырёк с водой, брусок, ленточку, масло, мясо, хлеб да опять пошла к Ёме. Шла она, шла и увидела утлую избушку без окон с маленькой дверью под самой крышей. Вот те на: окон нет, придётся в дверь стучаться. Да только к дверям никак не подойти: дорогу осина преградила, до земли наклонилась и давай ветками махать, давай махать!

Догадалась Чача, что это Ёмина караульная. Догадалась, вытащила из пестеря алую ленточку и привязала к осиновой ветке. Выпрямилась осина и перестала ветками махать: довольна, видать, подарочком.

Подошла Чача к двери, позвала Ёму — никто не ответил. Стала дверь сама открывать, но та чуть-чуть приоткрывается — и обратно захлопнется, да всё со скрипом!

— Ах, бедненькая!— пожалела Чача скрипучую дверь. — Давно, видно, тебя не смазывали. — И положила под пятку двери кусочек масла, подышала на него, чтобы растаял. Дверь настезь и открылась.

— Ёма-кулёма, выходи из горницы, встречай гостью! — позвала Чача.

* Челпáн — каравай.

Никто не вышел из горницы.

— Ёма-кулёма, выходи из горницы, встречай гостью! — во весь голос закричала девочка.

Не выходит хозяйка.

Переступила Чача порог избышки. А тут веник-голичок на неё вдруг наскакивать стал. Так и скачет, так и скачет, чуть в глаза прутьями не тычет.

— Не скачи, глупёнышек. Дай я тебя поглажу да под лавочку положу, — ласково сказала девочка и положила веник в уголок под лавочку.

Веник успокоился — чёрный ворон перед нею крылья распустил и давай прыгать да злобно кричать, того и гляди клюнет. Вытащила Чача из пестеря челпан хлеба, сунула ворону.

Угомонился ворон — выскочил откуда-то чёрный кот с белой бородою и с огненными глазами. Чача мяса ему подбросила.

Убрался кот в свой угол — тут и вышла сама болотная хозяйка. Лицо у неё чёрное, волосы зелёные.

— Зачем пришла? — прокрипела она и лязгнула зубами.

Не растерялась девочка, прямо в глаза Ёме посмотрела и сказала:

— Бабушка ткать собралась, а ты бёрдо наше не вернула. Вот я за ним и пришла.

— Занято ваше бёрдо. Я сейчас буду ткать, а ты о ту пору сходи на ближнюю поляну да накорми моих кур.

— А чем их накормить?

— Стань посреди поляны и скажи: «Куть-куть, ешьте что помягче да послаще».

Побежала Чача на ближнюю поляну и хотела уж Ёминых кур позвать, да вспомнила добрую старушку, что живёт у болота, к ней завернула.

Старушка на лавочке под окошком сидит и сладко дремлет.

— Бабушка, меня Ёма послала кур кормить.

Проснулась старушка, узнала Чачу, обрадовалась ей:

— Хорошо ты сделала, внученька, что ко мне зашла.

А теперь вот как сделай. Придѣшь на поляну, найди толстую ель с дуплом и залезай в дупло да поленом закройся. Закроешься — тогда Ёминых кур и зови.

Прибежала девочка на поляну, нашла толстенную ель с дуплом, залезла внутрь, закрылась поленом так, что только маленькая щель осталась, и крикнула:

— Куть-куть, ешьте что помягче да послаще!

Откуда ни возьмись, прилетела стая коршунов, закружилась над поляной, но никакого корма не нашла. Тогда один коршун клюнул другого, потом второй, третий — и от того коршуна одни перья остались.

Наелись, видно, коршуны, улетели. Чача вылезла из дупла, собрала коршуновы перья и принесла болотной хозяйке. Говорит:

— Наелись, Ёма, твои куры и улетели куда-то. Давай теперь бѣрдо.

— Ишь какая пряткая! Не успела я ещё выткать холстину, не освободилось бѣрдо. Сходи пока на среднюю поляну и остриги моих овец. О ту пору, глядишь, и освободится бѣрдо.

— А чем ты их привязываешь, когда стрижѣшь?

— Ничем, они у меня смиренные. Стань посреди поляны и скажи: «Баль-баль, выходи ко мне, я вас остригу». Они выйдут, а ты и стриги по порядочку. Поняла аль нет?

— Поняла, поняла,— сказала девочка и побежала на поляну. Только хотела овечек позвать, да вспомнила доброй старушки совет, к ней завернула.

Старушка опять под окошком сидит, на солнышке греется.

— Бабушка, меня Ёма послала её овечек стричь.

— А ты вот как сделай. Придѣшь на поляну, полезай на самую высокую ель и крикни оттуда: «Баль-баль, выходите сюда, остригите сами себя!»

Чача сказала старушке спасибо за науку, пришла на среднюю поляну, взобралась на самую высокую ель и крикнула:

— Баль-баль, выходите сюда, остригите сами себя!

Из леса тёмного, из леса частого выскочила стая волков

и давай рычать, давай друг друга зубами да когтями драть — только шерсть летит! Почесали как следует свои бока и снова скрылись в лесной чаще. А девочка слезла с ели, набрала целую вязанку шерсти и принесла Ёме.

— Хорошие у тебя овцы, Ёма, шерстистые, — сказала. — Вон сколько настригла. Давай теперь бёрдо, мне домой пора.

— Не освободилось ещё, — отвечает Ёма. — Я буду сейчас ткать, а ты о ту пору сходи на дальнюю поляну и подои моих коровушек.

— А как их доить?

— Придёшь на поляну, остановись посередине и скажи громко: «Тпрути-тпрути, сбегайтесь ко мне, я вас подою!» Сбегутся мои коровушки, а ты по порядку и начни доить. Поняла?

— Поняла, всё поняла, — сказала Чача и побежала на дальнюю поляну.

Прибежала, только рот раскрыла, чтобы собрать Ёминых коров, но вспомнила про добрую старушку и поспешила к ней:

— Бабушка, я иду Ёминых коров доить. Что мне посоветуешь?

Добрая старушка отвечает:

— А ты вот как сделай. Придёшь на ту поляну, полезай на самую высокую ель и крикни: «Тпрути-тпрути, сбегайтесь сюда, подоите сами себя!» Они и подоют друг друга.

— Спасибо, бабушка, за совет, — сказала Чача и побежала на поляну. Нашла самую высокую ель, влезла на неё и крикнула оттуда:

— Тпрути-тпрути, сбегайтесь сюда, подоите сами себя!

Вышли из леса частого, из леса тёмного свирепые таёжные медведицы и подоили друг друга. Слили молоко в корчагу и разбежались опять в разные стороны.

Слезла Чача с дерева, набрала в туесок молока, пошла к Ёме добывать бёрдо.

— Славные коровы у тебя, Ёма, молочные и не норовистые. Теперь давай наше бёрдо, а то бабушка, знать, уж ругает меня.

— Очень скоро ты вернулась,— говорит Ема,—я не успела доткать. Садись за кросна и кончай тканье, а я сготовлю для тебя гостинцы.

Чача стала ткать, а Ема ушла в подпол — только не гостинцы готовить, а зубы свои точить. Точила, точила, спростила Чачу:

— Скоро ли доткёшь?

— Не скоро ещё,— говорит девочка.

— Будешь кончать, мне скажешь.

В подполе скрежет стоит: Ема зубы точит. А в избушке стукоток: Чача холст ткёт. Ема торопится, и Чача спешит, да видит, что раньше Емы ей не справиться.

Взяла девочка ножницы, обрезала основу, вытащила бёрдо, а кота научила:

— Спросит твоя хозяйка: «Скоро ли доткёшь?» — ты моим голосом отвечай: не скоро, мол, ещё.

Бёрдо — в пестерь, пестерь — в руки, пустилась бежать.

Только вышла за порог, а Ёма и спрашивает из подпола:

— Скоро ли доткёшь?

Кот ей отвечает Чачиным голоском:

— Не скоро ещё.

Успокоилась Ёма, снова зубы точит. Точила, точила, опять спрашивает:

— Скоро ли доткёшь?

А кот ей:

— Как кончу, так и скажу.

Наконец наточила Ёма зубы, вышла из подпола, смотрит: Чачи нет, и бёрда нет.

Тогда стала она ругать чёрного бородатого кота:

— Ты почему выпустил девочку?

Кот отвечает:

— Сто лет тебе служу, а ты мне и крошку хлеба не бросила. Девочка же один день у нас была, да мясом меня угостила. Вот я и отпустил её домой.

Замахнулась на кота Ёма и стала ворона ругать:

— А ты чего смотрел? Аль ослеп совсем?

Отвечает ей ворон:

— Сто лет тебе служу, а досыта ни разу не ел. Девочка раз побывала, да челпан хлеба не пожалела.

— А ты где был?—напустилась Ёма на веник.— Аль забыл, на что поставлен?

Веник говорит:

— Сто лет твоё добро караулю, а ласкового слова не слышал. Девочка погладила меня да под лавку положила.

Стала Ёма дверь бранить да колотить:

— Почему ты, бестолковица, выпустила девочку?

— Век тебе служу, а ты и глинку под мою пятку не положила. Девочка меня маслом смазала, вот я её и выпустила.

— Что же ты, осина, не задержала девочку с бёрдом?—спросила Ёма у осины.

— Состарилась я на твоей службе и светлого дня не видела. А девочка мне новую ленту подарила.

— У-ух, непутёвые! Задам я вам жару-пару!—пригрозила Ёма ихватила палкой по крыше. Спустилась с крыши большая ольховая ветка. Села Ёма на неё верхом и взвилась к небу вихрем.

А Чача давно выбралась из болота и бежит лугами. Вдруг чует она за собой жаркое дыхание. Догадалась Чача, что настигает её погоня. Вытащила она из пестеря щетъ и сказала:

— Пусть вырастет из этой щети частый-пречастый, высокий-превысокий лес!

Бросила позади щетъ — вырос густой да высокий лес: ни зверю пройти, ни птице пролететь. Ёма на своей ольховине сунулась туда-сюда — нельзя проехать. Сдала назад, взлетела ввысь, но высок лес, не перескочишь.

Ещё больше рассердилась болотная хозяйка. Ударила своей палкой ольховину и вернулась домой, за большим топором. Рубит Ёма лес налево и направо, валятся вековые деревья, а щепки в болото летят. Рубила, рубила — просеку вырубилa и опять пустилась за девочкой. Летит ольховина во всю силу, а Ёма её ещё палкой подгоняет.

Увидела девочка, что Ёма её настигает, вытащила из пестеря брусок и сказала:

— Пусть из этого бруска вырастут большие-пребольшие горы.

Кинула позади брусок — встали тут высокие-превысокие горы: ни зверю пройти, ни птице перелететь.

Налетела Ёма на каменный утёс — гул прошёл по горам. Хотела Ёма горы перескочить, но не поднялась ольховина и до половины.

Ёма от злости по-волчьи воет, зелёные свои волосы рвёт. Вернулась домой, взяла тяжёлую балду-кувалду и полетела той балдой горы рушить. Ломает она скалы, ворочает камни. Ломала, ломала — проход в горах сделала.

Далеко ушла Чача, родной дом ей уже с пригорка видать, да Ёма на пятки наступает. Вытащила девочка из пестеря глиняный пузырёк с водой и сказала:

— Стань, пузырёк, глиной!

Бросила Чача пузырёк позади себя да угодила прямёхонько в Ёмин длинный нос. Отскочил пузырёк от Ёмино носа, упал, и разлилась вокруг липкая глина. — Ёма в ней по колено и завязла. А девочка ступила ещё раз-другой — тут и ей ноги глиной сковало. Бьётся болотная хозяйка, да выбраться не может: вытащит одну ногу — другая завязнет. Стала она руками глину разгребать — руки завязли. Стала носом ковырять — и нос в глине увяз. Летела мимо сорока, увидела, как Чача в глине застряла, полетела прямо к её дому, постучала в окошко и заверещала:

— Ваша внучка погибает! Ваша внучка погибает! Спасайте, спасайте, спасайте!

Выбежал на улицу дед с рогатиной, выбежала баба с кочергой.

— Где наша внучка? Где наша Чача?

Откопали дед да баба свою внучку из глины и домой повели. А вечером званый ужин устроили. Позвали добрую старушку, что у самого болота живёт, и сороку пригласили. Гости пели и плясали.

А Ёму дед да баба в глине оставили. И сейчас, поди, там она. И пусть, не будет маленьких обижать.

СТО СЕРЕБРЯНЫХ КОНЕЙ

Встану, пряжи напяду,
К Иньве-реченьке пойду,
На густой сосёнушке
Сплету гнездо воронушке.

У вороны под сосной
Лавка с дверцею резной.
Дверца бархатом обита,
На засовы не закрыта,
А за ней для девочек
Сто коробок ленточек,
Сто коробок пуговок
Да румяных куколок.

А для мальчиков за ней
Сто серебряных коней!
Сто серебряных коней —
Нет их краше и чудней.
Сам идёшь — они идут,
Сам бежишь — они бегут,
Верхового носят,
А овса не просят!

Вот что у воронушки
Есть в лесной сторонушке;
Вот за что я с ней дружу
И всегда ей услужу!

СОРОКА-БЕЛОБОКА

Ты, сорока-белобока,
Зря не прыгай, не летай,
Строить домик помогай!

Волк брёвна кладёт,
Мышка мох подаёт,
Заяц печку слепил,
Дятел дров нарубил,
Белка спичку нашла,
Огонёк зажгла.
А тетеря-то с корзиной
Побежала за малиной,
Как вернётся, будет пир
На весь бор
И на весь мир!

Вот так-то, сорока!

ЧИВ-ЧИВ, ВОРОБЕЙ

— Чив-чив, воробей!
Сбегай грядки полей!

— Нет, папенька!
Нет, маменька!

— Чив-чив, воробей,
В крыше дырку забей!

— Нет, папенька!
Нет, маменька!

— Чив-чив, воробей,
Самовар подогрей!

— Нет, папенька!
Нет, маменька!

— Чив-чив, воробей,
Сядь за стол поскорей!

— Мигом, папенька!
Сел я, маменька!

ЛЕГОСТАЙ

или-были три брата. Старшие себя считали добрыми работниками, а меньшого — лентяем из лентяев. Так они его и звали — Легостай, что значит «ленивец».

Уйдут братья пни корчевать, а Легостай на день задание оставят:

— Две пары лаптей сплетёшь, муки намелешь, дров нарубишь, жаркую баню приготовишь, да рыбы наловишь и уху на ужин сваришь, да свежей соломы на постель принежёшь.

Всё сделает, как братья прикажут, а солому к их приходу не успеет принести, потому что старики соседи попросят его на пелёнке-дудке поиграть, думы горькие развеять. Разве откажешь?

Придут старшие с корчёвни, угостят Легостая тумакми и прочь прогонят. А куда ему идти-то? Заберётся на печь да тараканов ловит и на нитку нанизывает. Всё чёрных ищет, среди которых, по слухам, встречаются волшебные.

Поймает одного, спрашивает:

— Конём хочешь быть? Будешь служить мне?

Смолчит таракан — не бывать ему живу, попадёт на нитку.

Скоро ли, долго ли охотился Легостай — высунулся из запечка большой чёрный таракан. Усищи — что рога у быка. Ухватился за них Легостай, а таракан раком пятится, тащит парня в свою нору. У таракана искры сыплются из глаз, того и гляди стена вспыхнет.

— погоди,— говорит Легостай,— я тебе рога обломаю.

А усач всё назад, всё назад. Вот-вот сорвётся Легостай в запечную дыру, слопает его тогда чёрное страшилище.

Упёрся Легостай ногами в стену, в три погибели согнулся. Не стерпело страшилище, взмолилось:

— Твоя взяла, Легостай, хил я ноне. Пощади меня: большой выкуп дам.

— Пусти меня в твоё поганое царство, да чтобы мне подчинялась вся твоя нечисть.

— Чего хочешь возьми, а этого не требуй. Осилил ты меня, а с моим царством не справишься.

— Так и быть,— говорит Легостай,— не пойду в твоё царство. Дай мне трёх вороных да избу новую поставь. И чтобы я каждый день сыт был.

— Приходи в полночь, как первый петух прокричит, что у Чёртова озера. Свистнешь трижды — и жди моего выкупа.

Отпустил Легостай чёрного таракана, сам спать завалялся. Проснулся в полночь, слез с печи. Страшно одному идти, разбудил братьев, рассказал им про всё. Рассердились братья, надавали ему тумачков, дурнем обозвали и опять спать легли.

Подождал Легостай немного и снова братьев трясёт, по коню за услугу обещает.

Очухались братья, сказали:

— Ладно, пойдём. Но коли ты, дурень, соврал — шкуру с тебя спустим.

Шли, шли — к озеру пришли, на крутояр взобрались. Свистнул Легостай — волки завывали. У братьев мурашки по спине забегали. Второй раз свистнул — только лес застонал. Третий раз свистнул — ветер поднялся, земля загуде-

ла. Появился перед ними мохнатый карлик, такой маленький — чёрный сморчок, да и только. Спросил карлик:

— Что угодно вам, люди?

— Пришли за обещанным, — ответил Легостай.

— Так возьмите его: вот оно, — сказал карлик и показал в сторону.

Обернулись братья, видят: два коня к дереву золотыми цепями привязаны. Не кони, а чистое загляденье.

Бросились старшие братья к вороным, распутали цепи золотые да поводья шелковые, сели верхом и — умчались.

Озирается Легостай, своего коня смекает, да нет его. Остался один жеребёнок: ни дать ни взять — вислоухая собачонка.

Загрустил Легостай. Обманули его братья, да делать нечего. Хоть бы жеребёночка-то взять, а и узды на нём нет.

Только подумал так, а карлик ему говорит:

— Не печалься, Легостай. Вот тебе уздечка. Да смотри, не доверяй её никому, при себе держи. А теперь поезжай, братьев догоняй.

Не успел сказать это карлик — жеребёнок скок под Легостая и понёс-понёс. Едва удержался на коньке Легостай, хорошо — успел ухватиться за гриву.

В один миг прилетел Легостай домой. Воронка под крыльцо спрятал, уздечку на сеновал бросил, а сам на печку забрался.

Тут вскоре и братья приехали. Звенят цепями золотыми, шуршат поводьями шелковыми. Поставили коней в ограде, да в избу. Бога благодарят за вороных, за Легостаеву душу молятся: спогинул-де брат-дурень, наверно, в том озере нечистом. А Легостай из-за трубы голос подаёт: жив, дескать, на печи он.

Спросили братья, как он раньше их вернулся домой.

Ничего не сказал Легостай про конька, а принялся братьев ругать, что его в беде бросили.

Рассердились братья. Избили Легостая, выбросили за двери да ещё пригрозили, чтоб он о конях никому не рассказывал. Посмотрел Легостай под крыльцо, а там и духу конского нет. Вспомнил он про уздечку, взял её в руки. Откуда

ни возьмись, вислоухий Воронко появился и голосом человеческого молвил:

— Что угодно, хозяин?

— Свези меня в вольную вольницу, где нет завистливых и жадных, где люди друг друга не обижают.

— Трудную задачу ты задал,— говорит Воронко.— Не знаю я, есть ли где вольная вольница. Но не печалься: отпусти меня на три дня и три ночи, я обо всём разужнаю. Только не трогай уздечки, не тревожь меня в это время.

Отпустил Легостай Воронка. Пришёл в избу, братьев упросил, чтоб его на печку пустили.

Проходит день, проходит другой. Вот и третье утро наступило. Легостай ждёт не дожждётся своего Воронка. Ночь пришла, вестей не принесла. Слышит: кто-то из-за печки ему говорит:

— Ступай во двор, Воронко появился.

Вышел Легостай во двор, взял уздечку. Конёк тут как тут. Говорит Легостаю:

— Трудную задачу ты задал. Весь я свет обошёл, но не встретил нигде вольной вольницы.

Приуныл Легостай: как жить дальше — не знает. А Воронко ему говорит:

— Есть на Сапкуне-горе птица вещая. Она всё знает. Но к ней никто не может попасть. Попроси царя-усача, чтоб он разрешение дал, и мы поедем.

Пошёл Легостай к запечной дыре. Кликнул чёрного царя. Явился к нему усач, спросил:

— Чего тебе, Легостай?

— Разреши мне слетать к вещей птице, узнать у неё о вольнице вольной.

— Так и быть, слетай. Но чур: у меня больше ничего не просить.

Согласился Легостай, выскочил скорее во двор— и за узду. Явился Воронко, и полетели они к вещей птице. Дорогой научил Воронко, что делать, чтобы живым остаться.

Летели, летели — остановились. Откуда ни возьмись, появилась старуха дряхлая-предряхлая. И ну расспрашивать Легостая про диво-дивное. А тот помалкивает, лишь

узлы на пояске своём вяжет. Как спросит старуха — так он и узел завяжет, как спросит — так и узел.

Выдохлась старуха. Легостай схватил её за волосы, отрезал длинную косу и спрятал за пазуху.

Летят дальше, только реки да озёра внизу мелькают, а мимо звёзды со свистом проносятся.

Летели, летели — остановились. Навстречу — старик одноглазый, дряхлый-предряхлый. Спрашивает про быль-небылицу, про вещую птицу, а Легостай помалкивает да узлы вяжет. Выдохся старик, Легостай полбороды ему отхватил и за пазуху спрятал.

Отдохнули Легостай с Воронком, дальше отправились. Летят, только моря да горы мелькают, а мимо звёзды со свистом проносятся.

Летели, летели — остановились. Опустились на гору высокую, на скалу висячую, где вещая птица живёт. Та скала из чистого золота, кругом дворцы хрустальные.

Встречает Легостая красивая девица, спрашивает, как он добрался и что видел. А Легостай в ответ:

— Сперва накорми, а потом спрашивай.

Накормила красная девица и опять за своё: как добрался, что видел? А Легостай тоже своё: как найти вольницу вольную?

Спрашивала, спрашивала девица, устала, два пера уронила — чёрное да белое. Легостай сразу на белое наступил, на гарусном пояске три узла сделал. Тут красная девица, вещая птица — это она была, — говорит:

— Нет такой вольницы вольной, о которой ты спрашиваешь. Ты сам её сделай. Возьми эти перья. Садись на коня, выбери землю, какая полюбится, и с белым пером в руке объезжай ту землю. Вот и будет тебе вольница вольная. Походом пойдут на тебя жадные и завистливые. Но ты не бойся: от чёрного пера жадные и завистливые люди сгинут.

Поблагодарил Легостай вещую птицу, красную девицу, и скорёхонько домой полетел.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Летели, летели Легостай с Воронком — остановились, отдыхать стали. А старик одноглазый тут как тут. Ударил-

ся оземь, огромным быком обернулся. Разинул пасть — река горячая потекла. Течёт и течёт, вот-вот всё затопит.

Легостай торопит Воронка, а тот не может лететь, вся сила у него вышла. Что тут делать? Вода уж и к их ногам подступает, сам бык по колено в воде.

Вспомнил Легостай про старикову бороду, бросил её в реку. Вода вспять потекла, в бычью пасть. Тут и Воронко отдышался, снова в силу вошёл. Дальше они полетели.

Летели, летели — остановились. А старуха тут как тут. Стукнулась оземь, красной сорокой сделалась, в лес полетела. И вся округа огнём занялась.

— Летим быстрее, — торопит Легостай Воронка. Но тот не может, из сил выбился. А огонь всё ближе, ближе...

Вспомнил Легостай про старухину косу, выкинул её из-за пазухи. Смотрит: сорока из леса летит. Летит, стрекочет, а следом зелёный лес вырастает. Тут и Воронко отдышался, снова в силу вошёл. Дальше они полетели.

Скоро сказка сказывается, да не скоро складывается.

Не три дня, не три недели промелькнуло, как ушёл Легостай из дому, а три года. Вернулся домой Легостай, а прежнего дома нет. На том месте два терема стоят, у ворот стража. Разбогатели братья. Кони, видать, помогли воронные. Братья не сразу признали Легостая, без охоты на ночь под крышу пустили.

Рассказал Легостай братьям о вещей птице, о красной девице, о белом пере рассказал. А те рады. Взяли да и отняли у Легостая перо, самого взашей прогнали.

Рассердился Легостай. Вытащил из-за пазухи чёрное перо и разрушил оба терема.

Схватили братья Легостая, в темницу посадили. А Легостай взмахнул чёрным пером — все двери сразу открылись.

Видят братья: дело плохо. Сами на Легостая набросились. Злые-презлые, от злости зубами скрипят. А он взмахнул чёрным пером — братья замертво повалились.

Выручил Легостай белое перо, сел на Воронка и поехал по горам, по долам, по лесам, по лугам. Сделал Легостай вольницу вольную. Землёй и лесом бедняков наделил.

ЯЧМЕНЬ

Вот и мама идёт!
Сноп ячменный несёт!
Я помочь ей хочу:
Сам я сноп смолочу,
Сам зерно просушу,
Сам на мельницу свожу,
Сам просею всю муку,
Шанег с маслом напеку.
«Садись, мама, кушай!
И ты, тятя, кушай!»

КОЗЁЛ

— Козёл-козлище,
Метлой бородища!
Откуда шагаешь,
Пыль поднимаешь?

— С мельницы...

— Козёл-козлище,
Большие глазища!
А что ты там делал?
Зачем туда бегал?

— Молоть ходил...

— Козёл-козлище,
Трубою хвостище!

Молол-то пшеницу,
Ячмень или ржицу?

— Овёс...

— Козёл-козлище,
Нечёсанный лбище!
Да как это вдруг
Молол ты без рук?

— Копытами,
копытами!
Рогами, рогами!
Вот так!
Вот так!

ДВЕРЬ НА ЛУГУ

или в одной деревеньке девочка с матерью. Не было у них ни коровы, ни овечки, ни петушка, ни курочки на дворе, а жили девочка с матерью тем, что пряжу пряли да на базаре продавали.

Вот однажды напряли они пряжи большой моток, и мать говорит:

— Сбегай, доченька, на речку, пряжу как следует вымой да выполощи. Я сама не могу, что-то мне нездоровится.

Взяла девочка пряжу, побежала на речку. Встала там на белый камушек и давай пряжу мыть-полоскать.

Полоскала, полоскала, да моток-то из рук выпустила, и он утонул.

Заплакала девочка, уткнулась в коленки:

— Ой, что теперь делать-то? С чем теперь на базар пойду, как для больной мамушки молочка куплю? Я ведь ей молочка купить хотела.

Плачет девочка и вдруг слышит за спиной на берегу, как будто бы кто-то говорит:

— Не плачь, девочка. Не плачь, маленькая. Оглянись! Девочка оглянулась и видит: стоит у самой речки на лу-

гу дверь. Стоит она среди зелёной травы, среди ромашек, и вся она строганая, сосновая, а петли — серебряные.

Дверь на замок не заперта, на ветру поскрипывает:

— Глянь, девочка, за порог!

И девочка глянула за порог и увидела там тропинку.

Тропинка узенькая, не шибко натопанная, но по траве под солнышком вьётся весело, так и манит вдаль побежать.

Да и дверь скрипит, подсказывает:

— Беги, беги! Там найдёшь свою пропажу.

Послушалась девочка, переступила порог, побежала.

Бежит, а сама всё вокруг поглядывает: «Где мой моток? Ничего я пока не вижу, одни цветы на лугу, шмели да бабочки».

Вдруг смотрит девочка, а навстречу ей хохлатая курочка бредёт. Тихонько так бредёт, лапками едва переступает.

— Здравствуй, хохлатка! — говорит девочка. — Ты мою пряжу не видела?

— Нет, — отвечает курочка, — не видела. Не до того мне. Очень есть хочу. Зёрнышка у тебя в кармане не найдётся?

— Зёрнышка нет, а вот хлеба краюшка лежит. Я её с собой на речку брала. Отщипну кусочек — хватит?

— Как не хватит! — обрадовалась курочка, и девочка отщипнула ей кусочек и побежала дальше.

Бежит, бежит, а навстречу петушок.

Спрашивает девочка:

— Петушок, петушок, алый гребешок! Не попадался ли тебе на тропинке моток пряжи?

— Нет, не попадался. А если и попадался, так я не заметил. Очень есть хочу! Нет ли у тебя в кармане зёрнышка?

— Зёрнышка нет, а вот хлебцем угостить можно. Хватит, если отщипну от моей горбушки кусочек?

— Хватит! — обрадовался петушок, и девочка опять побежала дальше.

Бежит, торопится, а навстречу овечка. Шерсть у овечки на лбу колечком, глаза — грустные.

— Здравствуй, баленька! — говорит ей девочка. — Ты не видела на тропинке моток пряжи?

— Нет, не видела. Мне теперь не до того. Иду, бреду, а откуда-то хлебцем пахнет. Не из твоего ли кармашка?

— Из моего,— говорит девочка.— На тебе половину моей краюшки. Да только хватит ли?

— Хватит! — обрадовалась овечка, и девочка помчалась дальше.

Бежит, а навстречу ей бурая корова идёт. Идёт, на весь луг шумно вздыхает.

— Бурёнушка, бурёнушка! Умница, красавица! Моток пряжи не видела?

— Нет, не видела. А вот ржаной хлебец издали чую. Не угостишь ли?

— Угощу! Вот остаток моей краюшки. Маленький... Хватит ли?

— Хватит! — обрадовалась бурёнушка, и девочка опять побежала дальше.

Бежит, а навстречу никого больше нет, лишь роща на краю луга зеленеет.

И стоит там белая берёза, листьями печально шумит.

— Берёзонька, берёзонька! — говорит ей девочка.— Сразу я вижу, нет под тобою моей пропажи. Да только сама ты о чём грустишь?

Отвечает берёза:

— Пролетал озорник-вихрь, надломил мою веточку. Подвяжи платочком, а то повянет.

Тут девочка и сама вздохнула:

— Один у меня платочек, мамушкой дарёный... Да раз такая беда — подвяжу.

И она подвязала платочком веточку, хотела бежать дальше, а берёза и шепчет:

— Далеко теперь не бегай, загляни в рощу. В роще — избушка, в избушке — старушка. Вот эту старушку о своей пропаже и спроси.

Огляделась девочка, а недалеко и верно избушку видеть. Стоит она под берёзами посреди огорода, в огороде банька, рядом с банькой родничок журчит.

Стукнула девочка в дверь избушки, оттуда старенькая-престаренькая старушка выглянула:

— Что тебе, милая, надобно?

— Здравствуй, бабушка! Не знаешь ли, где мой моток пряжи? Такой вот большой...

— Знаю, как не знать! Знаю, да скажу не сразу. А сначала истопи ты вот эту баньку. Да как затапливать начнёшь, лучину ломать примешься, так смотри, чтобы она ломалась без треску, дрова чтобы горели без копоты, а воды в котёл наносишь решетом.

Побежала девочка баньку топить, и всё у неё сначала пошло как надо.

Лучинок нащепала тоненько-претоненько, и когда их ломала, они не трещали. Дров из поленницы набрала самых лучших, сухих, и когда они загорелись, то горели без копоты. Только вот воды решетом наносить никак не может: вся она обратно в родник сквозь дырки проливается.

Совсем было расстроилась девочка, да тут подвязанная платочком берёза ей тихо шепчет:

— Нарви моих листьев да глиной смажь.

Нарвала девочка берёзовых листьев, смазала их глиной, заклеила дно в решете и воды в баньку натаскала мигом.

А потом и пол подмела, и пару поддала, и стучится опять в избушку:

— Готово, бабушка!

— Вот, милая, и славно, вот и славно. Да только это ещё не всё. Теперь ты моих внучаток-ребятток попарь. Мне с ними самой никак не управиться.

Заглянула девочка в избушку, а ребятток там у бабушки полным-полнёхонько! И все они мал мала меньше, все голпузенькие, чумазенькие, и все очень шустрые.

Как завидели девочку, так давай по избушке бегать да кричать:

— А мы париться не желаем! Мы непривыкшие!

Но девочка сама шустрая была. Говорит:

— Я вас и спрашивать не буду!

Одного под мышку подхватила, второго к себе на zakрошки посадила, третьему, четвёртому подшлёпнула — они сами, своим ходом, помчались в баньку.

А там она их всех уложила на полок в один тесный ря-

док, жару-пару ещё подбавила да и давай веничком охаживать! Гуляет мокрый веник по горячим спинкам: «Плюх да плюх!», а ребятишки только отпыхиваются: «Ух да ух!» Были они чумазенькими — стали чистенькими, розовыми. Сами девочке кричат:

— Ох, тётя, как хорошо! Ещё поддай пару!

Напарила их девочка всех дорумяна, доставила бабушке:

— Получай своих внучаток! Всё ли теперь я сделала?

— Теперь всё,— говорит старушка.— Теперь прими от меня вот этот пестерёк с крышечкой и ступай домой. Крышечку в пути не открывай, всё, что под ней,— дома увидишь. Под крышечкой и моток найдёшь.

Приняла девочка подарок, поклонилась низёхонько старушке и ребятишкам, побежала домой.

Поравнялась с белою берёзкой — та шелестит:

— Погоди, я тебе должок отдам.

И уронила на плечи девочке шёлковый полушалок.

Догнала девочка бурую корову, а та говорит:

— Погоди, и я с тобой. К тебе во двор жить пойду и к твоей матушке.

Догнали девочка с коровой овечку, а та говорит:

— И я с вами!

Догнали девочка, корова и овечка курицу с петухом, а те тоже просят:

— Берите и нас в компанию!

И вот они все впятером подходят к тому месту, где раньше на зелёном лугу сосновая дверь стояла,— а двери той уже и в помине нет. Зато девочка рядом, и сама мамушка навстречу торопится, бежит:

— Где хоть ты, милая дочка, у меня потерялась-то?

— Разве я потерялась?— смеётся девочка.— Смотри, я с кем домой пришла: с коровушкой, с овечкой, с курочкой да с петушком... Они теперь наши! А то, что в самом деле терялось, тоже нашлось. Глянь-ка!

И девочка открыла пестерёк, а там моток пряжи лежит. Только вся пряжа теперь не простая, а золотая. Так вся в берёзовом пестерёке и светится!

ОША-МИША И ЕГО СТЯПУХИ

давние-давние времена жили-были муж да жена. И были у них три дочери, одна красивее другой. И все они такие рукодельницы были, каких уж теперь и сыскать трудно.

Мужик день-деньской лес рубил да пни корчевал под пашню, а жена с дочерьми домашние дела справляла.

Как-то собрался мужик в лес, а на обед нечего взять: хлеб ещё не испёкся.

Мужику некогда ждать, он и говорит:

— Испечётся хлеб — пошлешь мне с дочкой.

— А где искать-то тебя? — спрашивает жена. — Кругом один лес.

— Еловые ветки за собою побросаю, — говорит мужик. — По ним она меня и найдёт.

Разговаривают муж с женой в избе, а под окошком Оша-Миша, медведь, стоит да подслушивает.

Пошёл мужик на своё сечище, еловые ветки следом побросал — дочери дорогу указал.

Оша-Миша все эти ветки собрал да по одной к своему дому побросал.

Испекла хозяйка хлеб и нарядила с обедом старшую дочь:

— Всё по еловым веточкам иди да иди — и к отцу придёшь. На обратном пути веничков наломай, с пустыми руками не возвращайся.

Вышла старшая сестра за околицу, видит: еловая веточка на земле валяется. Прошла вперёд — другая лежит. Так и пошла всё дальше и дальше, и к медвежьему дому пришла. А Оша-Миша давно её ждёт-ожидает. Ухмыляется хитро, что так хорошо получилось.

— Теперь будешь жить у меня, — говорит. — Будешь моей нянькой и стряпухой.

Заставил Оша-Миша девочку стряпать, а сам — качалку ладить. Стряпуха на стол шаньги да пироги подала, наелся Оша-Миша, живот погладил и в качалку улёгся.

Качает нянька медведя и напевает:

Оша-Миша, баю-бай,
Спи, усни, кривая лапа,
Спи, усни, короткий хвост.
Баю-бай, баю-бай!
Три сестрицы вместе жили —
Злые люди разлучили.
Дома мама меня ждёт,
Ждёт и горьки слёзы льёт...

— Твоя песня нехорошая, — говорит медведь. — Вот как надо петь:

Оша-Миша, баю-бай,
Спи, усни, красива лапа,
Спи, усни, курчавый хвост.
Баю-бай, баю-бай!

Пропела она так разок, и медведь уснул. А девочка на крышу забралась и высматривает отцовский дом, да ни в какой стороне его не видно.

Мужик до вечера прождал старшую дочь с обедом, да так и вернулся домой. Жена рассказала, как было дело, и они решили, что девочку медведь увёл — больше некому.

Погоревали, погоревали и спать легли.

Наутро жена опять не успела хлеб испечь. А мужику некогда ждать — работа торопит. Вот и говорит жене:

— Испечётся хлеб — пришлѣшь мне с дочкой. Я по дороге пихтовые лапки оставлю, по ним меня и найдѣт.

Оша-Миша под окошком стоит, слушает и посмеивается.

Ушѣл мужик на своё сечище, побросал по дороге пихтовые лапки. А медведь все пихтовые лапки собрал и по пути к своему дому побросал.

Наряжает мать свою среднюю дочь к отцу:

— Всѣ по пихтовым лапочкам иди да иди — и к отцу придѣшь. На обратном пути грибов набери, с пустыми руками домой не ходи.

Средняя сестра пошла от лапки к лапке, от лапки к лапке — прямѣхонько к медведю вышла.

Оша-Миша встречает её, говорит:

— Теперь будешь жить у меня. Будешь моей нянькой и стряпухой.

Настряпали две сестры пирогов да шанежек, всяких сладостей напекли. Оша-Миша поел плотнѣхонько, живот погладил и завалился спать. Качают его две сестры и напевают:

Оша-Миша, баю-бай,
Спи, усни, кривая лапа,
Спи, усни, короткий хвост.
Баю-бай, баю-бай!
Три сестрицы вместе жили —
Злые люди разлучили.
Дома мамонька нас ждѣт,
Ждѣт и горьки слѣзы льѣт...

— Ваша песня нехорошая, — говорит Оша-Миша. — Вот как надо петь:

Оша-Миша, баю-бай,
Спи, усни, красива лапа,
Спи, усни, курчавый хвост.
Баю-баю, баю-бай!

Спели так сѣстры, и медведь захрапел. А девочки забрались на крышу и давай отцовский дом высматривать, да нигде не видать его.

Вечером вернулся мужик домой, а средней дочери дома нет. Так и решили: медведь к себе увѣл.

Погоревали, погоревали да и спать легли.

На третье утро хозяйка опять проспала. Вот же засоня! Мужу пора на работу собираться, а жена только печь растапливает. Где уж тут дожидаться, когда хлеб испечётся? Наказал жене младшую дочь с хлебом к нему отправить. А чтобы не заблудилась, он ветки берёзовые по пути покидает.

Оша-Миша и на этот раз подслушал весь разговор. И младшая сестра тоже к медведю пришла.

Встретил третью сестру Оша-Миша, сказал ей:

— Теперь будешь жить у меня. Будешь моей нянькой и стряпухой.

Напекли стряпухи пирогов да шанег, варенья да соленья приготовили. Медведь всякой всячины поел, в свою качалку залез и сладко-сладко задремал.

Сёстры подле сидят, медведя качают и напевают:

Оша-Миша, баю-бай,
Спи, усни, кривая лапа,
Спи, усни, короткий хвост.
Баю-баю, баю-бай!
Три сестрицы с мамой жили —
Злые люди разлучили.
Дома мамонька нас ждёт,
Ждёт и горьки слёзы льёт...

— Ваша песня нехорошая,— говорит Оша-Миша.— Вот как надо петь:

Оша-Миша, баю-бай,
Спи, усни, красива лапа,
Спи, усни, курчавый хвост.
Баю-баю, баю-бай!

Убаюкали сёстры медведя и на крышу поднялись. Смотрели, смотрели, свой дом искали, да так и не увидели.

Долго на крыше сидели: медведь выспаться успел. Выспался, вышел во двор и спрашивает сестёр:

— Вы зачем туда полезли?

Молчат старшие — испугались. А младшая и говорит:

— Мы братьям своим весточку послали. На тебя, Оша-Миша, жаловались.

— С кем же вы послали весточку?

— С ветром синим.

Смекнул медведь, что нехорошо он поступил, что отомстить ему братья могут. Вот и говорит он:

— Ложитесь сегодня спать пораньше, а завтра до свету вставайте, гостинцы да подарки от меня своим братьям готовьте. Пойду с ними мириться.

Встал Оша-Миша утром, смотрит: всё готово. И сказал:

— Сложите самые вкусные гостинцы, самые лучшие подарки в мой пестерь. Я поем и пойду в деревню.

Думали-подумали сёстры и посадили в пестерь старшую сестру, а сверху гостинцев наложили.

Взвалил Оша-Миша пестерь на плечи и пошёл в деревню. Шёл, шёл, откуда ни возьмись — собаки. Как увидели медведя, так и набросились на него, и ну кусать, ну его шкуру рвать! Бросил медведь свой пестерь и скорей домой побежал. Прибежал домой, младшая сестра и спрашивает:

— Ну, Оша-Миша, помирились наши братья с тобой?

Медведь в ответ:

— Очень злые ваши братья. Собак на меня науськали. Видно, мало гостинцев я им принёс. Завтра кладите подарки в большой пестерь, опять пойду.

Ночь прошла, утро наступило. Младшая сестра посадила в пестерь среднюю, а сверху положила всякую всячину.

Взвалил медведь большой пестерь на плечи и пошёл.

Только в деревню вошёл, а собаки тут как тут, да такие злые, что попадись им — на части разорвут! Испугался медведь, скинул пестерь и пустился наутёк.

Прибежал домой, говорит:

— Опять не приняли. Видно, ещё больше гостинцев просят. Заложите завтра самый большой пестерь.

От испуга медведь и не заметил, сколько стряпух да нянек у него осталось.

Наутро младшая сестра поднялась с первым светом, гостинцы напекла, стол для завтрака накрыла. Потом взяла да ступу в своё платье нарядила. Ступу поставила под окошко, чтобы медведь видеть мог, а сама спряталась в пестерь и закрылась гостинцами да подарками.

Проснулся Оша-Миша, поел наскоро, схватил свой большой пестерь и отправился мириться. Пришёл он в деревню, а его встретила целая свора собак.

Испугался медведь и бежать! Даже пестерь забыл сбросить. Сидит девочка в пестере и горюет, не знает, как быть: хоть смолчи, хоть закричи — медведишко обратно в лес унесёт. Думала, думала да и говорит грубым голосом:

— Бросай, глупый, пестерь, тогда собаки угомонятся!

Сбросил Оша-Миша пестерь и скрылся в лесу. А девочка вылезла, кликнула собак и каждой дала по шанежке.

ЧАШКА

Печь затопили,
Кашу сварили,
К столу сели,
Славно поели,
А скушали кашку —
Чем вымыть чашку?

Дома в кадушке
Воды-то ни кружки!

К реке припустили,
Чашку помыли,
Часок полежали,
Домой прибежали,
Печь затопили,
Кашку сварили,
К столу сели,
Славно поели,
А скушали кашку —
Чем вымыть чашку?

Дома в кадушке
Воды-то ни кружки!

К реке побежали...

СЧИТАЛКА

— Зайка, зайка, белый хвост!
Где ты был?
— Косил овёс.
— Где овёс?
— Журавль склевал.
— Где журавль?
— Медведь прогнал.
— Где медведь?
— Сидит в ловушке.
— Где ловушка?
— На горушке.
— Где горушка?
— Вечерком
Смыло в Каму
Ручейком!

ГДЕ БЫЛ ДА ЧТО ВИДЕЛ

авным-давно жил я, а со мной жила-была старуха моя. Жила она, вечно молчала и вдруг как-то заговорила:

— Собрался бы, старик, да по землям дальним походил, а потом вернулся бы ко мне да и рассказал, где был да что видел.

— Ладно, похожу, старуха,— сказал я и пошёл колесить по чужедальним странам. Ходил, ходил да попал в Курезу — в чудесное царство. Пошёл я к царю и нанялся к нему лыко драть да лапти плести. И столько лыка надрал, столько лаптей сплёл, что лыковым сором весь дворец забил.

Испугался царь, что всё его царство засорю, и отпустил меня восвояси.

Дал он мне за службу хрустальные сапоги. Покрутил, повертел я их, а на ноги надеть побоялся: побьются. А если носить нельзя, то зачем они мне? Хотел выбросить, да вспомнил, что есть на свете люди и поглупей меня. Взял сапоги и домой пошагал.

Встретился ездок на коне, спрашивает:

— Где был да что видел?

Я ему:

— Был в Корезе, три года лыко драл да лапти плёл, а за это наградил меня царь хрустальными сапогами.

— Дай мне сапоги, я тебе коня отдам.

Ну, ладно, поменялись. Иду дальше — коровёнку гонит баба. Она и спрашивает:

— Где был да что видел?

Я ей:

— Был я в Корезе, три года лыко драл да лапти плёл, а за это получил хрустальные сапоги, да променял их на коня.

— Дай мне коня, я тебе корову отдам.

Ну, ладно, опять поменялись, и я дальше шагаю. А навстречу старуха овцу гонит.

— Где был да что видел? — спрашивает.

Отвечаю:

— Был в Корезе, три года лыко драл да лапти плёл, а за это царь наградил меня хрустальными сапогами, да променял я их на коня, коня — на корову.

— Дай мне корову, я овцу тебе отдам.

Ну, ладно, поменялись, и я овцу погнал. А тут девушка с гусем.

— Где был да что видел? — спрашивает.

Я в ответ:

— Был в Корезе, три года лыко драл да лапти плёл, а за это царь наградил меня хрустальными сапогами. Сапоги

я променял на коня, коня — на корову, корову — на овцу.

— Дай мне овцу, я гуся тебе отдам.

Ну, ладно, дело сделано. Побрёл я дальше и набрёл на парня, который кота ведёт.

— Где был да что видел? — спрашивает.

Я говорю:

— Был в Корезе, три года лыко драл да лапти плёл, а за это царь наградил меня хрустальными сапогами. Сапоги я променял на коня, коня — на корову, корову — на овцу, овцу — на гуся.

— Дай мне гуся, я кота тебе отдам.

Ну, ладно, отдал гуся, взял кота. Старый старичок встречается, спрашивает:

— Где был и что видел?

Отвечаю старику:

— Был в Корезе, три года лыко драл да лапти плёл, получил за это хрустальные сапоги. Променял сапоги на коня, коня — на корову, корову — на овцу, овцу — на гуся, гуся — на кота.

— Дай мне кота, я кочедык * тебе отдам.

Ну, ладно, поладили мы со стариком. Взял я кочедык и вышел к пруду, что в нашей деревне. Смотрю: яйцо окуня у берега плавает. Смекнул я, что надо сделать: кочедыком сбить, а потом поймать. Ну, ударил кочедыком по тому яйцу, да не попал.

Пошёл домой. Старуха и спрашивает:

— Где был да что видел?

Отвечаю ей как есть:

— Был в Корезе, три года лыко драл да лапти плёл, а за это царь наградил меня хрустальными сапогами.

Стала старуха в чулане мыть да прибирать.

— Зачем моешь да прибираешь, старая?

— Хрустальные сапоги туда поместим.

— Я их на коня променял.

Стала старуха конюшню строить.

— Зачем строишь, старая?

* Кочедык — шило, которым лапти плетут.

— Коня туда поставим.
— Я его на корову променял.
Стала старуха в коровнике убирать.
— Зачем убираешь, старая?
— Корову тут станем держать.
— Я её на овцу променял.
Стала старуха хлев чистить.
— Зачем чистишь, старая?
— Овцу туда загоним.
— Я её на гуся променял.
Стала старуха гуся место ладить.
— Зачем ладишь, старая?
— Гуся туда закроем.
— Я его на кота променял.
Стала старуха плошку долбить.
— Зачем долбишь, старая?
— Кота кормить.
— Я его на кочедык променял.
Стала старуха рваные лап-
ти таскать.
— Зачем таскаешь, ста-
рая?
— Чинить надо.
— Я кочедыком в яйцо
окуня бросил.
Стала старуха печь то-
пить.
— Зачем топишь, старая?
— Окунёвое яйцо надо
сварить.
— А я ведь не попал в
яйцо-то!
Огрела меня старуха ко-
чергой, повалился я на ларец.
Вот и сказке конец.

КАК ЗАЯЦ ЕПУ-ОХОТНИКА ПРОУЧИЛ

Жил-был охотник Епа: среди людей толкался да всё разбогатеть старался. Так бедно с женой жили, что раз в неделю обедали, а об ужине и не вспоминали. Всей одежды — одна на двоих: если Епа оденется, то Епиха на печке сидит, если Епиха в люди выйдет, Епа дома зябнет.

Взял однажды Епа ружьишко своё да и подался в осинник на зайцев. Весь день бродил, ногам покоя не давал, да зря: и мышь не встретил. Только повернул лыжи обратно — на зайца налетел, чуть лбами не стукнулись.

Вскинул Епа ружьишко, курок взвёл и уже на прицел зайца взял, а тот вдруг заговорил:

— Не спеши, Епа! Убить всегда успеешь, а добрый совет не всегда услышишь.

У Епы глаза на лоб: до старости дожил, а чтобы косые людей учили — сроду не слыхивал.

Заяц тем временем сел на пенёк и опять говорит:

— Когда убьёшь меня, делай так. Сними остороженько шкуру, высуши её и купцу продай. На эти деньги козлёнка купи. Вырастет — двух козлят принесёт...

Слушает Епа, рот раскрыл и уши развесил, а ружьишко в снег воткнул. «Вот где, — думает, — счастье-то привалило: и молочко будет, и деньжат заработаю».

А косой сидит себе и рассуждает:

— купишь поросёночка, свинью вырастишь. **Свинья** опоросится, продай поросят купцу — купи тёлку. **Вырастет** тёлочка — коровой станет, бычка тебе принесёт. **Откормишь** бычка и на лошадку променяешь...

Вскружилась Епина голова от такого богатства, не до зайца стало. Совсем наяву видит Епа, как он на сивом в яблоках рысаке гарцует! На пригорке собственный **двухэтажный** дом стоит. Заходит Епа в горницу, жена мясо на стол ставит, пшеничную ковригу режет. Привёз Епа дорогие подарки своей хозяйке — кумачовую кофту и сарафан из синего кашемира...

— Ладно, — сказал Епа, — уж пристрелю зайчишку.

Глядь, а перед ним только пенёк торчит. Ускакал заяц и всё Епино богатство с собой унёс.

ДЛИННЫЙ ДЕНЬ

ил да был мужик по имени Понтей. Богатый и очень жадный.

Уродилась у него в поле рожь высокая да колосистая, и тут бы только радоваться надо, а Понтей горюет:

— Опять у меня расходы! Чтобы такой урожай убрать, надо помощников со всей деревни созывать. А раз помощники придут, то их напоить, накормить надо. Они день отработают, а ты их уже корми! Они другой день отработают, а ты их опять угощай, корми. И на третий день корми, и на четвёртый... Чистое разорение! Нет, хорошо бы так сделать, чтобы помощники у меня наработали побольше, а я бы хлеба, соли да квасу истратил поменьше...

Ходит он у своей избы под окошками, руки за спину заложил, голову опустил: думает.

А рядом с ним жил один шустрый мужичок. Он давно про скопидомство Понтеево знал, и очень оно ему надоело. И вот, как увидел этот мужичок Понтея на лужайке, так сразу подходит к нему и так вежливо-превежливо говорит:

— Здорово, дядя Понтей! О чём задумался? Ежели го-

ре какое, поделись. Я ведь тебе сосед: вдруг да что и присоветую, вдруг да и выручу.

— Есть горе, есть, — вздыхает Понтей. — И горе есть, и посоветоваться надо бы. Да только за хороший-то совет, поди, денежку с меня стрясёшь?

— Ну что ты! Я за так!

Обрадовался Понтей и рассказал соседу-мужичку про свою заботу:

— Как бы сделать так, чтобы помощники у меня в поле наработали побольше, а я бы на их угощение истратился поменьше?

Мужичок и дослушивать не стал, вмиг всё сообразил.

— Знаю, — говорит, — что тут делать надо, знаю. И тебя, дядя Понтей, научу.

— Научи, милушко, научи! — так и засиял Понтей, а мужичок ему объясняет:

— День надо растянуть, чтобы он вдвое длиннее стал. Вот у тебя помощники-то в два раза больше и наработают, а съедят в два раза меньше.

— Да как его растянешь? Чем?

— Ухватом, дядя Понтей, ухватом. Тем самым, которым твоя хозяйка горшки в печи переставляет. Возьми завтра утречком ухват, залезай на сосну в поле, да как солнышко подыматься начнёт, ты в него ухватом и упрись по сильнее. Оно подымается, а ты его всё равно придерживай! Вот так вот день и растянется. Понял ли?

— Понял! — возликовал Понтей. — Да только не обманываешь?

— Ни в жизнь! Сам этак делаю. Правда, не летом, осенью, когда со старухой картошку в огороде копаем. Осеннее-то солнышко куда как быстро садится; вот я его на полчаса — на часик нет-нет да ухватом над нашим огородом и придержу. Шибко хорошо выходит! Но осенью легче: солнышко ходит невысоко, я его придерживаю коротеньким ухватом; а по нынешней, летней, поре надо ухват на длинный шест насаживать. Есть ли у тебя такой?

— Есть! — совсем уже воспрял Понтей и кинулся по деревне скликать на завтрашний день помощников.

А рано утром, когда ещё и петухи не кукарекали и заря не занималась, забрал у бабы на кухне самый крепкий ухват, вытянул из ограды самую длинную, самую толстую жердь и прикрутил к ней ухват верёвкой.

Прибежал к высокой сосне, влез почти на самую макушку, глядит, не идут ли жнецы-помощники.

И вот жнецы пришли, и новый день над полем занялся, и тогда Понтей выставил над сосной ухват как можно дальше, прицелился в красное солнышко да и держит, и держит его изо всех сил, чтобы оно не так быстро поднялось.

Солнышко ещё только-только над лесной опушкой приподнялось, а у Понтея уже и рученьки болят, и спина занемела. Но зато он так и чувствует, так и видит: время тише пошло! Так тихо да медленно, что, можно сказать, совсем остановилось.

— Ишь ты! — бормочет Понтей. — Как бы мне не перестараться! Похоже, я день-то не вдвое уже растянул, а раз в пять! Как бы мои работнички не догадались. А догадаются — по домам разбегутся. Нет, надо и самому отдохнуть, и мужикам да бабам дать передышку.

Сполз он с сосны, сел на землю и говорит:

— Ну, робятушки! Поработали мы хорошо, давайте-ка пообедаем.

Жнецы, конечно, очень удивились: на самом-то деле и часу не прошло. Но раз хозяин обедать зовёт, спорить не стали: сели, пообедали.

Пообедали, отдохнули, да только за серпы взялись, только снопы вязать да суслоны ставить наладились, а Понтей опять со своей сосны слазит.

Слазит, отпыхивается, рукавом пот утирает:

— Ну и работёнка наша крестьянская! Ну и упарились мы, робятушки! Ну и дел наворочали! Давайте-ка пополдничаем!

Так весь день у жнецов и прошёл в обедах, полдниках, ужинах да паужинах, и ничего они толком на поле не сделали, но Понтей всё равно очень рад.

Идёт домой, жердь с ухватом за собой волочит, едва-едва ноги переставляет, а в бородищу ухмыляется:

— Это ж надо же, сколько я сегодня хлеба да квасу соберёг! Работники-то думают, это я их за один день так здорово наугощал, а я их, глупых, накормил за целую неделю. Завтра утром опять на сосну полезу. Ай да я!

ЖАДНАЯ ПОПАДЬЯ

дна попадья племянницу не любила.

Раз вечером сидит девушка на крутом бережку, смотрит на месяц и причитает:

— Месяц ты бел-серебряный! Не знаешь ты, не ведаешь, каково мне жить на земле. День-деньской я корплю-тружусь, а всё попрекают. Всю семью обшиваю, пряду да вяжу, а сама в рваном сарафане хожу. И некому мне о своём горе сказать.

Услышал месяц эти жалобы да и спустился с неба.

— Поди, — говорит, — девушка, ко мне, хоть я тебя пожалею. Бери, сколько можешь, моего серебра.

Девушка испугалась было, да не растерялась: вспрыгнула на месяц, полный передник серебра набрала.

— Спасибо, — говорит, — тебе, добрый месяц. Красную рубаху тебе подарю, как стану замуж выходить.

А месяц в ответ:

— И тебе спасибо, доченька, за добрые слова. Не будет денег — ещё приходи.

Подслушала этот разговор попадья. Повременила день-другой, выждала ясный вечер, пошла на крутой бережок.

— Месяц ясный, бел-серебряный! Спустись ко мне, сде-

лай такую милость! Выхожу я замуж, а подарков купить не на что.

Не заметил месяц, кто его просит, да и спустился к крутому бережку. Попадья и давай хватать серебро да совать куда можно. Совала-насовала — больше некуда.

— Погоди, — говорит, — добрый месяц, я за посудиною сбегаяю.

Сбегала домой, два ведра принесла. И опять всё гребёт.

Тут только увидел месяц, что это не бедная девушка, а жадная попадья. Взял и поднялся к небу.

Нагребла попадья серебра полные вёдра, зацепила на коромысло и хотела на землю сойти. Смотрит: а земля от неё далеко-далеко.

Так и осталась жадная попадья на месяце.

А девушка замуж вышла. Месяцу красную рубаху подарила. Поэтому и бывает иногда месяц в красной одежде.

БОРОДУШКА-БОРОДА

— Бородушка-борода,
Ты откуда и куда?
— На базаре побывал.
Там бородку продавал.
— А зачем продавал?
— Чтоб точило купить.
— А зачем тебе точило?
— Да косу наточить.
— А к чему её точить?
— Сено думаю косить.
— А зачем его косить?
— Чтоб корову накормить.
— А почто тебе корова?
— Молочка надою.
— А куда молоко-то?
— Ребятишек напою.
— А зачем ребятишки?
— В доме пол подмести.
— А зачем его мести?
— Чтобы в пляс пойти.
— Почему же в пляс?
— Так гармошка у нас...
— Где ж она?
— Да за мостом,
Возле речки под кустом.
— Принести её помочь?
— Что ты, что ты...
Поздно. Ночь!

ЗОЛОТИСТЫЕ КУПАВКИ

Баю-баюшки,
Край дубравушки
Золотистые
Спят купавушки.
Огоньки-цветки
Гасит ноченька;
Засыпай и ты,
Наша доченька.
Спи, голубушка,
Невеличенька,
Наша ягодка —
Земляничинка.
Спи, сметанничка,
Молоконничка...
Смотрит месяц к нам
С подоконничка.
Смотрит ласково,
Улыбается,
Тихий сон стеречь
Обещается.
Обещается
У дубравушки
До утра хранить
Все купавушки...
Баю-баюшки, баю-баюшки!

СОДЕРЖАНИЕ

Перво-наперво. Пересказал Л. Кузьмин	3
Прыг-скак! Пересказал Л. Кузьмин	4
Сестричка и братец. Пересказал Л. Кузьмин	5
Вставай, Митенька! Пересказал Л. Кузьмин	11
Медвежья нянюшка. Пересказал Л. Кузьмин	12
Бедый. Пересказал В. Климов	18
Конь. Пересказал Л. Кузьмин	27
Заюшка. Пересказал Л. Кузьмин	27
Ема и Чача. Пересказал В. Климов	28
Сто серебряных коней. Пересказал Л. Кузьмин	38
Сорока-белобока. Пересказал Л. Кузьмин	39
Чив-чив, воробей. Пересказал Л. Кузьмин	40
Легостай. Пересказал В. Климов	41
Ячмень. Пересказал Л. Кузьмин	49
Козёл. Пересказал Л. Кузьмин	50
Дверь на лугу. Пересказал Л. Кузьмин	51
Оша-Миша и его стряпухи. Пересказал В. Климов	58
Чашка. Пересказал Л. Кузьмин	64
Считалка. Пересказал В. Климов	65
Где был да что видел. Пересказал В. Климов	66
Как заяц Епу-охотника проучил. Пересказал Л. Кузь- мин	70
Длинный день. Пересказал Л. Кузьмин	72
Жадная попадня. Пересказал В. Климов	76
Бородушка-борода. Пересказал Л. Кузьмин	78
Золотистые купавки. Пересказал Л. Кузьмин	79

СТО СЕРЕБРЯНЫХ КОНЕЙ

КОМИ-ПЕРМЯЧЬИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ
И ПЕСЕНКИ, БАЙКИ, ПОТЕШКИ

Для детей дошкольного и младшего школьного возраста

Зав. редакцией И. Лепин. Редактор А. Зебзеева. Художественный редактор
М. Курушин. Технический редактор Л. Тренева. Корректор З. Селюк.

ИБ № 911

Сдано в набор 03. 09. 82. Подписано в печать 28. 04. 88. Формат бу-
маги 70×90^{1/8}. Вум. офсетная № 2. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,86. Усл. кр.-отт. 25,156. Уч.-изд. л. 5,029. Тираж 100 000 экз. Заказ
№ 7187. Цена 60 к. Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь,
ул. К. Маркса, 30. Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства
«Звезда». 614070, г. Пермь, ул. Дружбы, 34.